

Соломан Премудрый и Васька Окулов

Ай да за морем ле, морем нонь за синиим,
Ай у Васьки-царя было Окулова.
И завёлса у Васиньки почесен пир
И на многих ле князей, сё на бояров,
И на многих купцей, людей торговых,
И на тих же мещан да пригородных,
И на тих же кресьян да православных.
Он как пир-от снаредил, Васька, пировать стали.
И кабы пир-от нонь идёт ище ко вечеру,
Красно солнышко катитцэ ко западу —
Ищэ пир-то идёт да о полупира,
Кнежоневьская радость в полурадости.
Уж выходит ле Васинька, прикрасной царь,
Он выходит на сэреду-кирпищат пол,
Он же по полу-то, Васинька, похаживат,
Кабы с ножиньки на ножку переступыват,
Ён сапог-де о сапог да поколачиват,
Он берщатыми-ти скобками побрякиват,
Он белыми-ти руками прирозмахиват,
Он злачными-ти перснями принабрякиват,
Он есныма-ти оцями прирозглядыват,
Он буйной-то головой да принакачиват,
Он желтыма-ти кудрями принатряхиват,
Тихо-смирную рець сам выговариват:
«Уж вы ой еси, как все люди православныя!
Уж вы ой еси, купцы, люди торговыя!
Уж вы ой еси, мещана пригородныя!
Уж вы все вы сидите ноньце споженены,
А за вас все красны девушки повыданы,
Уж един-то я, Васинька, холост хожу,
Я холост, Васька, хожу, да не жонат живу,
Вы не знаите ли хто мне полюбовницу?
И не знаите ли хто мне супротивницу?
Э не знаите ли хто мне молоду жону?
И така бы мне была да молода жона:

И статнóм была статна, да полно возрастом,
Волосом была руса, штёбы лицом бела,
А бы рець у ей, говóря тихо-смирная,
И походацька у ей штобы упáвая,
И поглядоцька у ей была умыльная,
Штобы было кого назвать княгиною,
Штобы было от кого да князю цара пить;
На ей штобы была рубашка тонка белая,
Кабы сквозь её рубашку тело видети,
Ищэ сквозь бы ле тело кости видети,
И как всякия суставы чоловечески —
Уж из кости ле бы в кось мозг переливайтсе,
Как скаченой ле жемчуг перекатайтсе!»
Ищэ все тут на пиру да приумолкнули,
Кабы все на том чесном да приудрогнули,
Ищэ большой-ёт хоронитсе за среньяго,
Ищэ среннёй хоронитсе за меньшого,
Уж от меньшого-де князю нонь ответу нет.
Из-за того из-за стола переньнёго
Там ставаёт-де удалой доброй молодец
По прозванью-то Торокан да сын Заморянин.
Он поближешенько-то князю придвигайтсе,
Понижешенько он князю покланяйтце,
Говорит тут Торокан да таковы слова:
«Уж ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
Ты позволь ле мне-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь ле миня за слово головы сказнить,
Головы где сказнить, скоро повесити,
И не выслать миня штобы в ссылки дальния».
Говорит на то солнышко Владимир-князь:
«Говори же, Торокан, ты не юпадывай,
Не одинаго словецька не ютаивай».
Говорит же тут Торокан да сын Заморенин:
«Я бы смала-то бывал да ноньце за морём,
Ищэ за морём бывал да я за синиим,
А видал-де ка' за морём за синиим
У Солóмана-царя видал премудрого,
Кабы есь у его нонь молода жона,
Как статном ле та статна, да полна возрастом,

Волосом-де руса, ищэ личом бела,
У ей реци-де, говоря тихо-смирная,
И походецька у ей была упавая,
И поглядоцька у ей была умыльная.
Хоть на ей-де рубашка тонка белая,
Кабы сквозь ее рубашку тело видети,
Ищэ сякия суставы чоловечески,
Из кости ле в кость мозг переливайтце,
Как скаченной жемцюг перекатайтсе.
Ищэ можно ту назвать да нонь княгиною,
Ищэ можно от ей да князю цяру пить».
Говорит на то Васинька, прикрасной царь:
«Уж как можно у жива мужа жена отнять?»
Говорит тут Торокан да сын Заморенин:
«У жива мужа жена отнять — не твоя печаль.
Снареди-ко ты три карабля черленья,
Уж со всякима товарами заморскима,
Побежу я как тогда да за синё морё!»
Он дават-де ему да дозволеньичо,
Нагрузил ён три карабля черленья,
Он со всякима товарами заморскима.
Побегать стал Торокан да за синё морё:
Кабы сходенки ёни ноньце повыбрали,
Кабы якори заморьски все повызнили,
Подымали тонки парусы полотнены.
Кабы дал им Бог нонь тишины пособной —
Уж бежали они тут за синё морё
Ко тому-де ко царю да ко Солóману.
Прибегали ко царю да ко Солóману,
Как походит Торокан да сын Заморенин,
Он походит ко царю ноньце ко Солóману,
Он поносит как подароцьки хорошия,
Торговать штобы безденежно, беспошлинно.
Как Солóмана-то в доме не случилось:
Он уехал, Солóман, к морю синёму,
Он на тихие уехал он на галани,
Он стрелётъ там гусей, да белых лебедей,
Побивати серых малиньких утянышков,
Уж крыластых, пернастых, перелётных,

И гонять ищэ лисич да белых заечей.
Тут приходит Торокан к царю к Соломану.
Тут-де стрецяеть-де Солóмана молода жона,
Говорит она ле тут да таково слово:
«Приходи же ты, пожалуй, небывалой гось!»
Отдават он ей подароцьки хорошия,
Ищэ сам тут говорит да таково слово:
«Торговать штобы ле нам безданно-беспошлинно».
Принимат она подароцьки хорошия
И садит его за столы да за дубовыя:
«И садись ле ты, удалой доброй молодец,
И как хлеба у мян ись да перевару пить,
А затим-де у мян да чего Бог послал!»
Он садился, Торокан, да за дубовой стол,
Он и пил тут, и ел да цего Бог послал.
Как подават она ему да сяки кушанья,
Подават она ему цяры зелена вина,
Уж как ему-то подават да сама-то пьёт —
Они пили, пировали, проклаждалися.
Тут как стал он походить да на черлэн караб,
Он как тут её зовёт ён на черлэн караб:
«Я у тя-де погостил, дак ты ко мне пойдём,
И заёмно погости у мян на карабли!»
Он пошел-де, Торокан, да на черлэн караб,
Он приходит ко своим людям робочиим,
Говорит им Торокан да таково слово:
«Уж вы ой еси, мои люди робочия!
Как увидите ле с черного вы с карабля,
Как идёт ле Солóмана молода жона,
Вы встречайте её нонь, низко кланяйтесь;
Кабы ступит-де ёна как на черлен караб,
Подавайте вы ей цару зелена вина;
На другой же она ступень да ноньце ступит же —
Вы другу ей подавайте ноньце цару же,
Вы ведите её тогда да во черлен караб.
Как зайдёт она тогда да во черлен караб,
Вы здымайте тогда якори заморския,
Вы вытегивайте сходенки дубовыя,
Подымайте тонки парусы полотнены!»

Он зашел, Торокан, да во черлен караб.
Как увидели его люди робочия,
И идет-де скоро Соломанова молода жона,
И заходит-де ёна да на черлен караб —
Уж подавают они цару зелена вина.
На другой раз ступила на черлен караб —
И другу ей подавают ноньце цару же.
Проводили ей-де ноньце во черлен караб —
Там стрецяет Торокан да сын Заморенин,
Он садил тогда-де ей да за дубовой стол
И как пити-де, ка' ись, да ноньце кушати.
И как всяки тут питья-ествы наставлены,
Наливат ей, подават он цяру зелена вина:
И сам подават, и сам тут пьёт.
Тут его-то ле люди нонь робочие,
Выздымали ёни якори заморския
И затегивали сходенки дубовыя,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побежали они как тут нонь за синё морё.
Прохватилась тут ноньце Соломана молода жона,
Выходила-де ёна да на черлен караб —
Ож карабль-от бежит да среди моря.
Она тут же как нонь да звыла-сплакала:
«Уж ты што же, Торокан да сын Заморенин,
Ты куда же меня везёшь нонь за синё морё?
За себя ле ты везешь, ле за приятеля?»
Говорит тут Торокан да таково слово:
«Я везу тебя ле нонь да за приятеля,
Я за Ваську-царя ноньце Окулова!
У нас жити-то добро, дак служить легко:
У нас среды-то, пётнички не постуют,
И велики чатверги у нас нечем зовут!»
Прибегали они к Васиньке Окулову,
И пошел тут Торокан да сын Заморенин,
Он ведёт-де Солóмана молóду жону —
Кабы Васинька-то тут да зрадовалса же,
Веселым они пирком да скорой свадебкой.
А приехал там Соломан из чиста поля,
Он навёз-де гусей да белых лебедей,

Нагонял-де лисич да белых заечей,
Он в уми-то своём да нонци думает:
«Кабы где же миня не встреят да молода жона?
Одолило, винно, ей ноньце богачество,
Забрала, винно, ей хворось нонь тяжолая».
Выходила тут его ноньце служаноцька:
«У тя нету ноньце дома молодой жоны —
Прибегал Торокан, да он из-за моря,
Он увёз-де твою да молодую жону!»
Говорит на то нонь ищэ Солóман-чарь:
«Я бы не думал ноньце ехать за синё морё
По свою-ту ле нонь да молодую жону —
Кабы 'сяк миня назовёт да „потеряй-жона“!»
Он как стал тут, Солóман, снарежатисе:
Снаредил 'сё три карабля черленя,
Он берёт ноньце людей ноньце робоциих,
Он берёт с собой дружину всё хоробрую,
Хоробру-де дружину, заговорную, —
Побежал тут Солóман за синё морё.
Прибегал да ка' за морё за синёе
Он ко Васиньке-царю ноньце Окулову,
Как походит сам един ноньце со карабля,
Он товарищам своим ноньце наказыват:
«Как вы слушайте же нонь да понимайте же:
Заиграю я когда да нонь во турей рог,
Вы тогда, вы робята, снаряжайтесь же;
Как другой раз заиграю я во турей рог,
Вы сходите тогда со черного со карабля;
Как третей раз заиграю я во турей рог,
И тогда меня заставляйте вы живого же!»
Он пошел тогда ' царю Ваське Окулову,
Он заходит ему во гриню кнежоневськую —
Кабы Васьки-царя дома не случилосе,
Как онна сидит Солóманова молода жона.
Он немного посидел, да поздоровалсэ —
Как идёт ноньце Васинька, прекрасной царь.
Говорит тут Солóман таково слово:
«Уж куда же нонь от него я деваюсе?»
Говорит на то его же молода жона:

«Ты ложись нонь на кроватоцьку тисовую,
Я накину на тебя ноньце перинушку».
И сама она садилась на перинушку.
Как зашел тут-то Васинька, прикрасной царь,
Говорит ему Солóманова молода жона:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Кабы был ноньце ле этта нонь Солóман-царь,
Уж бы што ноньце над им да стал ты делати?» —
«Я бы взял-де со спицьки саблю вострую,
Я срубил бы ноньце прямо буйну голову!»
Соскоцила она бы скоро со кроватоцьки,
Уж оддёрнула перинушку пуховую —
Тут лежит-де Солóман, царь премудрыя.
Уж хватаёт Васька со спицьки саблю вострую,
Он срубить хоцёт-де прямо буйну голову.
Говорит же тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Уж как нас-де, царей, да не казнят ищэ,
Уж как нас-де, царей, да ноньце вешают!»
Уж назад-де повесил Васька саблю вострую,
Он приказыват в поле сделать релю високую.
Кабы скоро его люди робочие релю сделали,
И пришли они, сказали Васьки Окулову,
И вести-де кабы хоцют царя Соломана.
А собралось народу много-множество.
Повели-де Соломана во чисто полё,
Говорит тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Уж как дай мне заиграть ноньце во турей рог,
Мне проститьце ле нонь да с гусьми, с лебедьми!»
Говорит ноньце Соломанова молода жона:
«Уж Соломан-от, мотри, дак он хитёр-мудёр,
Он как выйdet своей да хитрой мудросью!»
Говорит на то Васинька, прикрасной царь:
«Ты играй же нонь ищэ, Соломан-царь,
Ты хоть сколько играй, да сколько моць берёт».
Заиграл во первой након ноньце в турей рог —
Кабы весь тут народ остановилисе.
Он играл сколько надомно во турей рог,

Кабы тут опеть вперед да повели его.
Говорит опеть Солóманова молода жона:
«И какой еси ты, Васинька, прикрасной царь!
Ты казни нынцѣ Солóмана скоро-наскоро,
Не то Соломан выйдѣт хитросью и мудросью!»
Говорит на то Васинька, прикрасной царь:
«Уж ты глупая баба, неразумная!
У тя волос-от-де долог — ум коротинькой, —
Как Соломан-от ле нонцѣ — он у нас в руках!»
И Соломан-от говорит нонцѣ таково слово:
«Уж онно-то колесо да ищѣ катитце,
А друго-то колесо да не останитсе!»
Говорит на то Васинька таково слово:
«Как сказали-де ' Солóмана — „хитѣр-мудѣр“, —
Не нашел я Солóмана дицѣ-де всех:
285Да куда же колесо друго останитсье,
И докуль же как ось да не отóтритсе?»
Говорит на то ищѣ нонцѣ Соломан-царь:
«Уж вы ой еси, люди православныя!
У кого ле вас, у вас есь отчи-мáтери,
У кого ле у вас есь дети малыя,
Воротитесь вы назад да вы домой ищѣ:
У Солóмана-то смерть будѣт страховитая!» —
А народ-де на то да не глядят ищѣ.
Говорит ищѣ Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Уж ты дай мне заиграть ищѣ во турей рог —
У меня были во чистом поли приятели,
И с има бы мне ка' нонь ищѣ проститисе!»
Говорит на то Васинька Окулович:
«Да ты играй же, Соломан, царь премудрыя,
Ты играй же, сколько тебе хочетця!»
Говорит на то Солóмана молода жона:
«Ты скоре его казни, скоре нонь вешай же, —
И Соломан-от уйдѣт хитросью-мудросью».
Говорит на то Васинька таково слово:
«Уж ты глупая баба, неразумная!
У тя волос-от долог — ум коротинькой, —
Он куда от нас уйдет нонцѣ, Соломан-царь?»

А Солóман-от ле ноньце у нас в руках!»
Как ведут опеть Соломана по чисту полю,
И ведут ноньце ко рели ко высокой,
И ко той-де ко плахе ко дубовой,
Говорит ищэ Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прекрасной царь!
Ты уж дай мне-ка заиграть нонь во турей рог,
Мне проститсэ в посленних с людьми добрыма,
Мне простися ищэ нонь со белым светом!»
Говорит на то ле Васька таково слово:
«Ты играй же ле сколько у тя моць берёт!»
Он играл-де, Соломан, нонь во турей рог —
Ож накрыли тут его да гуси-лебеди.
Набежала его дружинишка хоробрая,
Хоробра-де дружина, заговорная,
И схватили они Васиньку-царя ищэ,
Как повесили-де Васиньку во петелку,
И как в петелку его нонь во шолковую,
Торокана-то повесили нонь во петелку,
И во ту его во петелку пеньковую.
Как Соломана-то жону да нонь не вешали:
Он-де брал-де бы ей за жолты кудри,
Он бросал ей о матушку сыру землю —
Ищэ тут ноньце ей да смерть случилосе.
А Соломан-от-де взял ей за праву руку,
На енну ногу ступил да другу оторвал,
Кабы бросил-де ей да во чисто полё,
Уж черным-то воронам 'сем на воскурканьё,
Уж серым-то волкам на востарзаньё,
Ищэ синёму морю на утишеньё —
Ищэ вам, 'сем молодцам, да на послыханьё,
340Кабы старым старухам нонь на долгой век.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., с. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.